

Стриптиз как момент истины?

Писатель у телеэкрана

Мой отец профессор-математик — дело происходило на излете 60-х — мужественно выдерживал все нараставший напор семейства, настаивавшего на срочном приобретении телевизионного приемника. Думаю, отец устоял бы и дольше, если б семья наша не была столь либеральной: телевизор был приобретен, дабы увидеть знаменитый матч СССР — Чехословакия в 69-м году. Чехи, как вы помните, победили, и покупка не оказалась напрасной: после танков 68-го года, введенных в Прагу, мы безоговорочно болели за чехов.

Естественно, в брежневские годы с экрана лилась густая коммунистическая пропаганда. И отец хотел, чтобы эти помои не растекались по его собственному дому. И считал, что детям, безусловно, гигиеничнее читать хоть Диккенса, хоть Тургенева. Но и в том мутном потоке, как вспоминается теперь с ностальгией, посверкивали своего рода полудрагоценные камни. Трогательная Валентина Леонтьева, замечательный Алексей Каплер, «Кабачок "13 стульев"», чаемый весь год новогодний «Огонек» с Утесовым или Шульженко, тогда еще живыми. Да что говорить, даже от голоса Кириллова, комментировавшего парады и демонстрации на Красной площади, по телу пробегала сладкая дрожь причастности партии и народу. Народу — больше. Как видится из сегодня, причиной тому были качество и безупречный профессионализм. Даже тогдашний многолетний руководитель Гостелерадио Лапин, которым пугали детей, был не просто партийным функционером, «брошенным на ТВ», но человеком, безусловно, болевшим за свое дело. Мне как-то рассказывала дикторша тех лет, что однажды она вышла в эфир с какой-то легкомысленной брошкой на кофточке; в перерыве последовал звонок по внутренней телефонной связи, и голос, от которого бросало в дрожь даже неробких мужчин, кратко приказал: брошь снять. То есть Лапин не занимался интригами и подсчетом бабок, а отслеживал прямой эфир. То есть работал...

Как пишут в дурных романах, прошли годы.

Говорить о сегодняшнем демократическом, либеральном, свободном и каком там еще телевидении, вообще говоря, неохота. Потому что первое, что лезет в голову, — набившая всем оскомину реклама. Нам объясняют, что без нее материально ни одному каналу не обойтись. Впрочем, канал «Культура» как-то обходится. Но слово «культура» на прочих «кнопках» заповедно и занесено в «Красную книгу» как «устар.», говоря языком словаря.

Сначала я, как и все, едва появлялась рекламная заставка, начинал судорожно переключать кнопки на пульте. Потом, лежа на диване, просто тушил звук и прикрывал глаза. Но, если тебя очень долго каждый день бить валенком по голове, ты привыкаешь. Более того, психологи говорят, что взятые террористами в заложники люди по истечении некоторого времени начинают проникаться к своим мучителям симпатией, а подчас даже любовью. В конце концов с рекламой мы помирились.

Трудно смириться со многим другим. Как и в годы «проклятого тоталитаризма», телеэкран переполнен политикой. И нужды нет, что нынче там фигурирует не одна партия, а двадцать одна: лица-то одни и те же, как в Политбюро ЦК КПСС. Сейчас только ленивый не пишет о том, как заигрались в компромат и взаимные оскорбления ведущие аналитики: это действительно базар и позор. Но что вы хотите, никакой политической жизни, по сути, в стране нет — есть тот же базар, и как иначе Доренко или Киселеву отработать хозяйский хлеб?

Вторая по частоте категория передач — всяческие игры и виктори-

ны. Для дебилов — программа Ярмольника, для умственно задержанных — «Толле чудес», для успевающих студентов — «Что? Где? Когда?», для кандидатов наук — «Своя игра». И еще множество — для детей и домохозяек. Некоторые из них даже забавны — скажем, отлично работает на этой ниве Дибров, его игра «О, счастливчик!» не лишена напряжения и даже известного психологизма. Практически все эти передачи — кальки с соответствующих западных наработок. Как-то в Париже, лежа в уютном номере и невольно уставая в подвешенный на стене телевизор, я видел точный оригинал нашей «Угадай мелодию». Выгодно отличалась от здешней дурной копии эта программа тем, что ведущий, вместо того чтобы паясничать и кривляться, после каждого эпизода конкурса сам пел и танцевал — это был известный профессиональный музыкант и певец.

К этой категории программ примакуют две совершенно завершенно дурно сделанные передачи — «Русский бой» и программа Фоменко «Экстремальные ситуации» про мужские радости типа автородо или прыжков с парашютом. Этот вид телешоу отличает полное отсутствие какого-либо внятного содержания — неясно, кто кого бьет, кто куда едет, а главное — зачем. Если бы речь шла о чуть более вменяемых программах, то следовало бы сказать, что им «не хватает драматургии».

Разумеется, большее время эфира занимают сериалы — к таковому «мылу» теперь уже подмешивают во все нарастающих количествах и свое собственное. Сериалы потеснили даже футбол с хоккеем, произошла своего рода феминизация сетки вещания, и старый стереотип «муж пришел с работы, уселся в кресло с газетой и включил футбол» больше не работает: чаще голодный муж застает жену за поглощением тайн Сансет Бич и адюльтеров в Санта-Барбаре. Одна дама балзакского возраста как-то не в шутку мне сказала, что хочет развестись с мужем, милейшим непьющим предпринимателем средней руки, после двадцати с лишним лет совместной жизни. Когда я поинтересовался, зачем ей это надо, она всерьез сказала, что, когда будет жить одна, ей никто не будет мешать смотреть «Санта-Барбару», а потом по телефону обсуждать перипетии с подружкой.

Впрочем, критиковать наше телевидение — дело не пыльное. И справедливости ради надо заметить, что есть все-таки и просветы. Скажем, «Серебряный шар» Виталия Вульфа, «Антропология» того же Диброва, отлично сделанные «Диалоги о животных», еще паратройка авторских программ.

Но есть категория передач, разных по качеству и тематике, но сделанных в одной манере. А именно — посвященных тому, как на глазах многомиллионной аудитории ведущий буквально раздевает — в фигуральном смысле, но в снятой с эфира программе того же Фоменко раздевались и буквально — своего гостя. Отчего люди стремятся заниматься стриптизом на публике — особый разговор, и он должен происходить в кабинете психотерапевта. Интереснее, отчего наше телевидение столь верно и последовательно любит этот жанр.

Деликатнее и тоньше всех раздевает Оксана Пушкина в программе «Женский взгляд». Ей удается раскрутить на откровенность даже таких дам, как Бабкина или Новодворская, которые сами кого хочешь на что хочешь раскрутят. Но во всяком случае у Пушкиной дамские откровения никогда не пошлы, временами выжимают у зрителя слезу, реже — забавны. Но «Женский взгляд» все-таки — своего рода документальные, смонтированные фильмы, жанр же эксгибиционизма приобретает остроту,

когда трансляция идет из студии, и раздевают человека в прямом эфире.

В такой стилистике пыталась было поработать Арина Шарапова, но не нашла тона, заплутала, и программа не продержалась в эфире и двух месяцев. Можно было бы об этом и не вспоминать, когда б не урок, который невольно преподала Шарапова и нам, и коллегам: жанр раздевания требует от ведущего определенного набора качеств — лукавства, знания человеческих слабостей и, разумеется, многого бесстыдства. Наиболее показательны на этом поле три программы: г-жи Меньшовой «Я сама», г-на Комиссарова «Моя семья», г-жи Ханги «Про это», — и именно по мере нарастания интенсивности последнего качества я и расположил названия передач.

Меньшовой чаще всего удается оставаться в рамках общепринятого такта. Она мягка и располагает собеседниц к себе. Однако важно, конечно, каких собеседниц она выбирает. И здесь, кажется, критерием служит именно беззастенчивость. Когда гостя явно переходит рамки деликатности, ведущая округляет глаза — как бы в изумлении, сигнализируя зрителям, мол, я-то здесь ни при чем. При чем, однако. И это — суть проблемы: насколько ведущий несет ответственность за то, кого и как он показывает. Безусловно, несет всю ее полноту. И глаза можно не закатывать — именно Меньшова выбирает себе гостей, никто их ей с улицы не приводит. К слову, ее программа очень много потеряла с уходом Маши Арбатовой — быть может, чересчур едкой и самоуверенной, но безусловно умной и всегда значительной.

Но Меньшова может показаться верхом интеллигентности, коли сразу следом за ней посмотреть на Комиссарова. Он бесстыден не без лукавства. Он ходит кругами вокруг своей жертвы, пасет, выжидает, с тем чтобы подловить на невольном оброненном словце и вытянуть как можно больше. Так учат работать следователи: тщательно изучить досье клиента, разведать слабые места, неожиданно обнаружить осведомленность в том, о чем подследственный предпочитал бы не говорить, — впрочем, это может и не относиться прямо к делу. Я не знаю, чему и где учили г-на Комиссарова, но его ухватки именно таковы.

Наконец, г-жа Ханга все делает вовсе не прикрыто. Она прямо и в лоб задает человеку перед камерой самые откровенные вопросы. Вся игра строится на том, чтобы внушить жертве: застенчивым быть некрасиво и немодно, напротив — бесстыдство весьма украшает человека. Так совращают провинциалок, играя на том, что они боятся именно что обнаружить провинциальность. А значит — надо раздеваться, раз в столице так принято.

Не хочется попусту морализировать. Скажем лишь, что стриптиз — искусство, требующее не меньше сноровки, чем даже народные танцы: обнажение — самый краткий путь к сердцу невзыскательного зрителя. Проще лишь просто платить деньги, чтобы твою программу смотрели. И вся печаль в том, что наше склонное к беззастенчивости, на флаге своем начертавшее лозунг «Все на продажу» телевидение, стало рассадником самого дурного вкуса и махровой пошлости. И это не просто небезобидно — это общественно опасно. В конце концов, всяческий тотальный режим прежде всего — пошл. И вселять в умы миллионов простых людей уверенность, что дурной вкус — это единственно возможный вкус, значит, готовить почву к тому, что страна наша так и останется провинциальной, бедной и в конечном счете ни для кого не привлекательной.

Николай
КЛИМОНТОВИЧ